

ВИКТОР БРАГИН

КАФЕДРА
РЕВОЛЮЦИИ

Виктор Брагин
Кафедра революции. Роман

«Издательские решения»

Брагин В.

Кафедра революции. Роман / В. Брагин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747496-6

Роман «Кафедра революции» описывает возможный сценарий начала гражданской войны в Латвии. Какие потрясения могут заставить обычного человека превратиться из обывателя в террориста? Перед вами откровения бойца подпольной революционной организации. Данное произведение никоим образом не является пропагандой терроризма или насилия. Это книга-предостережение. Воззвание к здравому смыслу в обезумевшем мире, несущемся к новой мировой бойне.

ISBN 978-5-44-747496-6

© Брагин В.
© Издательские решения

Содержание

Разговор старика с идиотом о пользе вакцинации	6
Часть 1. Ирландский виски	8
1. Один и без оружия	8
2. Улица Революции	10
3. Память об электрическом импульсе	13
4. Обогрев космоса	16
5. The most wonderful time of the year	20
6. Бармен из Бомбардира	23
7. Переделыватель миров	26
8. Скажи наркотикам нет	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кафедра революции Роман

Виктор Брагин

Фотограф Andrejs Pijass/Фотобанк Лори

Корректор Татьяна Исакова

© Виктор Брагин, 2017

© Andrejs Pijass/Фотобанк Лори, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4474-7496-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман «Кафедра революции» является художественным вымыслом от начала и до конца. Все описанные в книге события никогда не происходили в реальности и автор очень хочет надеяться, что никогда подобное и не произойдет. Все действующие лица и организации, упомянутые в данном произведении, являются вымышленными. Любые возможные совпадения с реальными людьми и организациями носят исключительно случайный характер.

Разговор старика с идиотом о пользе вакцинации

Впервые я увидел этих парней в фильме «Долгая страстная пятница». Мне доводилось слышать о них и раньше, но это было давно, еще в детстве. В те времена имя «Ирландской Республиканской Армии» часто звучало по телевизору, но тогда мне это казалось неинтересным. Программа «Время» – не самое увлекательное зрелище для маленьких мальчиков. Фильм я увидел значительно позже, видимо, как раз тогда, когда было нужно. В нем и появляются те молодые парни, в простых джинсовых курточках. Они словно играючи уничтожают империю влиятельного гангстера, который имел неосторожность перейти дорогу ИРА.

Лондонский «Крестный отец» Гарольд Шенд в исполнении Боба Хоскинса дьявольски убедителен. Его героя боятся и уважают не только преступники, но и полиция, он сильный, безжалостный и неуязвимый. Однако, неуязвимым Шенд кажется лишь до того момента, пока не столкнется с неведомой сокрушительной силой. Ни преступный мир, ни полиция больше не в состоянии ему помочь – все летит к чертям.

Мне понравилось, как действовали парни в джинсовых курточках. С их лиц не сходила саркастическая улыбка, и это была улыбка безусловного превосходства. Если научиться встречать любую опасность с такой улыбкой, то можно бороться с кем угодно. Они преподносят нам прекрасный урок. Все эти олигархи и преступники во власти вовсе не так уж всемогущи, как кажутся. С ними можно и нужно бороться! Впрочем, бороться получится, только если ты принадлежишь к организации особого сорта. Вот тогда-то я и стал задаваться вопросом, а что это за особый сорт организаций? Как они возникают и откуда приходят к ним парни в джинсовых курточках?

Я рассказал об этом одному своему приятелю, но тот, как большой эстет, посоветовал мне другой фильм: «Комплекс Баадер-Майнхоф». Красные бригады, безусловно отборный, если не высший сорт подобных организаций. Но почему именно «Фракция Красной Армии»¹ больше всего притягивает к себе интеллектуалов и разнообразные эпатажные личности? Чем дороги сердцу эстета Ульрика Майнхоф и Андреас Баадер²? Их короткие и яркие жизни рационального объяснения не имеют. Я не верю, что они шли на это ради «счастья простого народа». Убежден, главный смысл их борьбы – это та самая улыбка превосходства, с которой парень в джинсовой курточке достает из нее оружие. Больше там ничего нет, но и это, скажу я вам, немало. Возможно, прививка ФКА была жизненно необходима всем, в том числе и нарождающемуся миру потребления.

Но вот уже Жан-Поль Сартр ругает Баадера «идиотом» после их исторической встречи в тюрьме Штаммхайм. Баадер брезгливо называет Сартра «стариком». Нет согласия между теорией и практикой. Не существует того, ради чего, по-настоящему, стоило бы убивать, как и не определено, для чего, по-настоящему, стоит жить.

Маленький «пежо» уносит раздраженного Сартра прочь от тюрьмы Штаммхайм, в его тихое стариковство. «Франция Вольтеров не сажает», Вольтеров сажает Германия, и Баадеру суждено умереть в тюрьме. Время Красных бригад подходит к концу. Мир выработал антитела.

Юные капитализмы, получившие прививки Красных бригад, после окрепли и выросли могучими и здоровыми. Главной задачей прививок было перебить самые горячие головы. После, если власть начнет зарываться, – ей напомнят, что все может быть и по-другому. А вольнодумцы, соответственно, должны знать, что полицейские не всегда стреляют холо-

¹ Фракция Красной Армии (ФКА, RAF – нем. Rote Armee Fraktion) – западногерманская леворадикальная террористическая организация, активно действовавшая в начале 70-х годов прошлого века.

² Андреас Баадер – один из основателей и лидер ФКА, Ульрика Майнхоф – известная немецкая журналистка, примкнувшая к ФКА. Впоследствии ФКА часто именовалась группой Баадер-Майнхоф.

стыми, а танки не всегда останавливаются перед баррикадами. Человеческая жизнь ценна только в докладах ООН, а после танка от нее остается мокрое пятно на асфальте.

Но прививки насилия не дают пожизненного иммунитета, а значит, скоро кто-то обязательно захочет попробовать снова...

Часть 1. Ирландский виски

1. Один и без оружия

Я вышел пройтись по ночному Белфасту. Я обязательно должен его увидеть, несмотря на позднее время. Мне же теперь интересно. Раньше вырваться не получилось – у меня командировка в Белфаст всего на один день. С утра визит на завод, потом бесконечные переговоры и, в финале, посиделки в пабе. После обильного «Гиннесса» с виски мои коллеги, наконец, утомились и пошли спать. Им не интересно.

История творилась прямо здесь. Например, гостиница, где мы остановились, Europa Hotel, вошла в эту историю как «самая взрываемая» гостиница в мире. Ее взрывали 28 раз за историю противостояния. Выйдя из Europa Hotel, я повернул налево и прошел несколько кварталов, потом повернул направо. Город был абсолютно пуст, все заведения закрыты, людей на улице не наблюдалось. На первый взгляд – небольшой и скучный европейский город, жизнь в котором заканчивается после девяти вечера.

Дойдя до ярко освещенного помпезного здания, я остановился прочитать вывеску. Это оказался City Hall, мэрия по-нашему.

– Да-а-а, – мною овладевало разочарование.

Я немного попетлял по близлежащим улицам и, не обнаружив ничего интересного, направился обратно в гостиницу. По пути мне попалось лишь одно работающее заведение вроде ночного клуба, возле которого стояла толпа парней и девушек в ярко-зеленых париках. «Это не те...»

Я не очень хорошо понимал, что именно мне нужно в спящем Белфасте. Имелись в наличии лишь теплый вечер и хулиганское настроение. Я вдруг вспомнил, что читал про стену, отделяющую католические кварталы Белфаста от улиц, по которым ходят маршами оранжисты. По-моему, она называлась «стеной позора» или что-то в этом роде. Но как найти эту стену? Была мысль подняться в номер и поискать по Интернету. Но на тот момент во мне уже сидело определенное количество виски и что-то там вычитывать в Интернете совершенно не хотелось. Я решил воспользоваться доинтернетовскими способами получения информации, а именно: спросить на улице. Но у кого?

Торговый пассаж Great Northern Mall втиснулся между гостиницей и офисным зданием. Тут же небольшая стоянка такси с одним единственным автомобилем, классическим лондонским кэбом. Водитель такси, похоже, это тот, что курит неподалеку, возле урны. Судя по возрасту, он должен был еще застать тех парней. Лучшего кандидата для расспросов мне в этот час все равно не найти, и я обратился к нему. Таксист некоторое время не понимал, о каком «позоре» идет речь. Когда до него наконец дошло, он назвал стену «линией мира» и сказал, что сможет меня отвезти, «если сэр желает». Сэр желал.

Ехать оказалось всего ничего. Не прошло и трех минут, как вдоль дороги потянулась стена, разукрашенная яркими граффити. Я пытался запомнить названия улиц: Фоллз роуд, Бомбей стрит, еще что-то... На Купар-вей стена стала особенно высокой – снизу бетонная, сверху металлическая, еще и с сеткой. Всего стен оказалось несколько, и я хотел ехать ко всем. Видя мой интерес и растущую сумму на счетчике, таксист оживился и стал более разговорчивым.

– На крыше вон того дома располагалась пулеметная точка, – он указал мне на самую обычную многоэтажку из темно-красного кирпича. – А вот тут был блок-пост, там дальше вертолетная площадка. Здесь стояли броневики.

Все, на что указывает таксист теперь, естественно, не содержит и следов вооруженного противостояния. Кусты аккуратно подстрижены, газоны скошены, дорожки выложены идеальной брусчаткой.

– Слушай, где они все теперь? – спросил я.

– Кто?

– Бойцы ИРА.

– Они все уже достаточно пожилые люди, ну те, кто остался в живых. Молодые с какого-то момента перестали к ним идти. У молодежи теперь другие интересы. Люди неизбежно устают от войны. Особенно от такой, в которой нельзя ни победить, ни проиграть.

Самому таксисту это тоже не особо интересно, он периодически меняет тему, начиная говорить то о футболе, то о верфи, на которой строился знаменитый «Титаник». Верфь эта, оказывается, тоже находится в Белфасте и работает и по сей день.

– Ха! Видишь тот банк? – вдруг спохватился он и указал пальцем сквозь боковое стекло. – Помнится, ИРА грабанула его и унесла аж 25 миллионов фунтов. По тем временам сумма – астрономическая. И это оказались почти что все деньги этого банка. Так они взяли и объявили свои деньги недействительными и напечатали новые, решив, что так им будет проще. Можешь себе представить нечто подобное?!

– Кто?! Англия напечатала из-за этого новые деньги?

– Да нет! Просто в Северной Ирландии у каждого банка свои фунты. То есть платежной единицей является все тот же фунт стерлингов, но у каждого банка свой дизайн банкнот. Такое только в Северной Ирландии возможно...

На обратном пути таксист ничего больше не рассказывал. Некоторое время мы ехали молча.

– Слушай, а с чего все началось? – спросил я.

– Мне кажется, это было всегда. Это продолжается уже пять веков.

– Ну а в последний раз?

– Не знаю. Я думаю, никто точно и не вспомнит. Хотя с кровавого воскресенья, пожалуй. Есть такой фильм, «Кровавое воскресенье», неплохой, кстати. Посмотри, может быть, что-то поймешь.

– Фильм так и называется, «Кровавое воскресенье»?

Таксист молча кивнул, а через минуту добавил:

– Понимаешь, подобные вещи иногда случаются. Никто точно не может сказать, когда это произойдет и почему. В такие времена главное, это когда к тебе придут, не оказаться одному и без оружия.

2. Улица Революции

Наш город видел многое, и его трудно чем-то удивить. Революции, войны, холокост, было у нас и свое кровавое воскресенье. Рига раньше любила «поучаствовать».

Когда-то эта улица называлась улицей Революции. Я вспоминаю это всякий раз, когда иду мимо бывших цехов Руссо-Балта. В моем сознании «Революция» и «Руссо-Балт» чем-то связаны. Подозрительно тихо здесь сейчас. Чудище революции притаилось где-то, спит в каком-то дальнем углу. Может быть, за теми контейнерами для отходов; а может быть, за облезшей вывеской «Кока-Колы» на заброшенном киоске; или там, во дворе-колодце, где на стене дома красуется дерзкая надпись. Надпись гласит: «Может быть, я и дерьмо, но у дерьма есть пистолет». Мой друг Ромэо клянется, что это писал не он, хотя сам живет в этом доме, а надпись сделана в той же системе координат, что и большинство его высказываний. Человек, повторяющий «Если я не стану богатым, то богатым не станет никто!», вполне мог сделать подобную надпись.

Первый этаж старого корпуса Руссо-Балта реанимирован, там открывают очередной магазин, по-моему, уже третий за этот год. Ну давайте, посмешите нас! Вход украшен воздушными шариками, а витрины – яркими процентами скидок. Выглядит все достаточно торжественно и весело. Но я-то знаю, что будет с этим магазином через какие-нибудь три-четыре месяца. Чего только не открывали на этом углу: и кафе, и парикмахерскую, и строительный магазин. Теперь вот они... Но очень скоро, я уверен, в витрине восстановят самую популярную нынче в городе вывеску – «Сдается». А пока нарядные продавцы зазывают меня внутрь, обещая бесплатный бокал шампанского за первую покупку.

– Ничего у вас здесь не пойдет, лучше сворачивайтесь сразу! – каркаю им пессимистичный я.

Мне никто не верит.

– Людей нету, город пустой, – развожу я руками. – Сворачивайтесь! Меньше денег потеряете.

Нет, все бесполезно. Они еще не поняли, что этой стране пришел конец. Ну ладно, очень скоро поймут, видимо, каждый должен дойти до этого сам.

Европы не получилось. Очень себе советская страна, только подразвалившаяся. За десять лет Евросоюза мало что изменилось: те же заброшенные заводы и склады; по окраинам – хрущевки и девятиэтажки; машину еще не раз тряхнет на раздолбанной дороге. Никто ничего тут строить и не собирался, руины стоят практически в самом центре. Если в Советском Союзе наша республика считалась чем-то вроде мини-Европы, то теперь это недоевропа, задворки, неразумная вороватая окраина.

Ромэо долго гремит цепочкой, открывая дверь. В нос мне ударяет запах старой квартиры в старом доме – его знают все, кто хоть раз бывал в домах, образующих дворы-колодцы. Евросоюз пока не смог победить этот запах. Возможно, этот запах переживет Евросоюз.

Я посмотрел фильм «Кровавое воскресенье», вернувшись в Ригу из Белфаста, и теперь хотел пообщаться с Ромэо как с главным толкователем искусства. Если быть точнее, то он сам предложил мне встретиться, сообщив, что у него есть кое-какие идеи.

Ромэо человек достаточно занятый. Он умеет увлекать других, сам при этом не увлекаясь. Может подсунуть нечто крайне интересное, а через неделю и не вспомнить об этом. Главный талант Ромэо – умение все правильно преподнести. Если это книга, то обязательно настольная, если фильм, то откровение. А через некоторое время оказывается, что сам Ромэо читал всего лишь несколько страниц своей великой книги, а фильма он вообще не видел. Не имея сколь-нибудь серьезных познаний ни в одной сфере, мой друг умел производить впечатление человека начитанного и всесторонне развитого. Глубина познаний заменялась у него

интуицией, и, надо сказать, интуиция Ромэо редко когда подводила. Поэтому я всегда с интересом прислушивался к его новым идеям фикс. Он их скоро забудет, а там может быть что-то интересное.

Я давно не был в гостях у Ромэо и теперь обнаруживаю новые наглядно-агитационные материалы на полках и стенах. Среди фотографий старых добрых Тома Уейтса, Фрэнка Заппы и Нины Хаген отмечаю новые незнакомые мне лица.

– А это кто? – спрашиваю я, дабы доставить Ромэо удовольствие.

– Это Фред Фриз. Играет арт-рок, концептуальную музыку, – с упоением начинает рассказывать Ромэо. – Выступал со многими хорошими музыкантами, например с Джоном Зорном, Ивой Битовой.

– Не знаю таких...

– Вот Девид Бирн, – продолжает экскурсию Ромэо, – основатель группы Talking Heads, помнишь песенку «Psycho Killer»³?

– Да помню, помню. Ты мне ее ставил раз сто.

Ромэо раздраженно махнул рукой и потащил меня к следующей полке. Я все знаю наперед. Его лекция о концептуальной музыке рано или поздно закончится попыткой заставить меня послушать певицу Диаманду Галас. Но заставить меня это сделать не так-то просто, и до сегодняшнего дня я всегда успешно отбивался. Фрэнка Заппу я готов принять, готов принять и Ван дер Грааф Генератор, но вот Диаманда Галас – это уже слишком!

Однако, на этот раз разговоров о музыке было мало. Ромэо унесло в другую сторону. Он стал мне рассказывать о некоем Джанджакомо Филтринелли:

– Итальянский издатель, вдохновитель и спонсор Красных бригад. Очень интересная личность. Сын богатых родителей и сам успешный издатель, тем не менее занялся левыми радикальными движениями. Чисто по идеологическим соображениям. Это он создал из фотографии Корды всемирно известный постер с Че Геварой. Ну, где черный профиль на красном фоне.

– А почему же у тебя именно этого постера и нету?

– Знаешь, этот плакатик так замусолен в последнее время, что дальше некуда, – поморщившись, отвечал мне Ромэо. – Он теперь везде: на майках, кепках, рекламах и даже на носках. Любой дурак готов нацепить его хоть на трусы. И что, ты предлагаешь мне его еще повесить?!

Узнаю своего друга Ромэо! Эстетическая сторона революционной деятельности для него гораздо важнее содержательной. Ромэо больше будет интересоваться, как он выглядит и какая музыка будет играть на заднем плане, чем само революционное действие.

Теперь мы прочно застряли перед эмблемой немецкой террористической организации RAF, выполненной в разных вариациях. Мой рассказ о поездке в Белфаст и «Кровавом воскресенье» Ромэо даже не стал слушать, заявив, что это все фигня.

– Ну почему же? Расстрел мирной демонстрации военными в этом фильме очень хорошо показан, почти документально. Хотя, конечно, по нынешним меркам количество жертв – смехотворно.

Ромэо продолжает отмахиваться.

– Ну а что же тогда не фигня? – спрашиваю я.

– Ты смотрел фильм «Комплекс Баадер-Майнхоф»?

Фильма я не смотрел, хотя знал о его существовании. По настоянию Ромэо мы тут же сели смотреть. Это оказалось действительно добротно сделанное кино, которое может зацепить. Есть в нем, знаете ли, тот самый «полет души», как говаривал один актер. Ромэо отзывается о главных героях фильма исключительно восторженно.

³ Psycho Killer – псих-убийца (англ.)

– Вот это то, что я называю «настоящая жизнь»! – с вдохновением говорит он. – Эффектно, быстро, красиво. Если уж в «омут с головой», – то только так!

– Красиво, да, – соглашаюсь я. – Но ведь это же чистой воды бандитизм.

– Не понимаю таких определений, – запротестовал Ромэо. – Что значит «бандитизм»? У нас в девяностые годы бандитизм был государственной идеологией. У нас вся экономика и политика вышли из бандитизма.

– Но сейчас не 90-е! Если создать организацию вроде этой RAF – она долго не просуществует. Государство уничтожит ее довольно быстро.

– А ты собираешься существовать вечно? Ты уверен, что это же государство не уничтожит тебя завтра, организовав какую-нибудь войну?

– Да кому мы нужны? С чего ты взял, что кто-то будет организовывать здесь войну?

– Потому что мы – лишние люди!

Ромэо уже не первый раз рассказывал мне свою теорию на этот счет. Он где-то вычитал, что одному проценту населения Земли принадлежит примерно столько же богатств, сколько и остальным девяносто девяти. Но для обслуживания этого одного процента богачей такое огромное количество населения явно не требуется. С лихвой хватило бы и половины. Остальные – просто лишние люди. К тому же если золотая элита сформировалась давно и новичков туда берут крайне неохотно, то количество невостребованных людей растет в геометрической прогрессии.

Увеличение численности лишнего населения – это головная боль правительств и олигархов всех стран. А с помощью войны данная проблема решается легко и быстро. Ведь первыми на бойню гонят именно лишних. Бедных, безработных, неустроенных или без блага. Так было всегда, и в двадцать первом веке ничего не меняется. Знайте, если вы, например, безработный, то в случае войны будете мобилизованы одним из первых. Потому что по ту сторону фронта вас уже дожидается другой безработный, чтобы совместными усилиями решить проблему безработицы. Тому человеку, как и вам, власти заботливо выдали в руки оружие и запудрили мозги всякой патриотической пургой. Впрочем, лишние люди не всегда сидят сложив руки. «Многие веселятся бунтом», – как сказал кто-то из великих.

– Нам посчастливилось жить в самой бедной стране Евросоюза, с самым глупым правительством, – заканчивает свое пафосное выступление Ромэо. – Правительством эконом-класса, так сказать. Сам понимаешь, у бедного и нелюбимого родственника в большой семье европейских народов есть лишь один способ вырваться из нищеты – грабануть своих богатых и жадных родственничков. Пока они не отправили нас на тот свет.

– И что конкретно ты предлагаешь?

Ромэо подсел ко мне поближе и заговорил полупшепотом:

– Давай хотя бы в тир начнем ходить.

– Куда?!

– В тир. Будем учиться стрелять. Я тут обнаружил самый настоящий тир в бывшем спорт-комплексе завода ВЭФ. Там можно пострелять из боевого оружия. Это так вдохновляет...

Я заглянул в глаза Ромэо и обнаружил там нечто нехорошее. У меня неприятно похолодело в груди – он явно не шутил. Одно дело трепаться под пиво о Че Геваре и Красных бригадах, другое – сделать в этом направлении пусть маленький, но все же шаг.

3. Память об электрическом импульсе

Всегда поражался, откуда в нашей маленькой стране так много людей, готовых делать грязную работу. Лишь только приходит их время – они тут как тут, стоят наготове, засучив рукава.

Подходя утром к работе, уже издалека я понял, что что-то не так. Скопление людей возле ворот выглядело подозрительно и тревожно. Сами ворота перегородил черный внедорожник с мигалкой на крыше, а вдоль забора стояли здоровые охранники, заложив руки за спину. Может быть, ночью случайно сработала сигнализация, вот они и приехали? Такое уже бывало.

Однако, когда я подошел поближе и увидел логотип охранной фирмы «СМ» на двери внедорожника, мне все стало ясно. Эти ребята пришли делать грязную работу для Свенбанка. «СМ-security» – самая отмороженная охранная фирма на службе у шведских банков. Иногда, за крутой нрав, их в шутку называли «садо-мазо секьюрити», но в основном звали «церберами». Костяк охранной фирмы составляли убежденные «нацкадры», и порою они брались за работу, так сказать, не ради денег, а по велению сердца. Например, охраняли шествия ветеранов легиона СС от антифашистов.

Для очистки совести я все же сделал вид, что пытаюсь пройти на территорию нашей фирмы.

– Фабрика закрыта! – церберы преградили мне путь.

«Фабрика!» – где они только взяли такое слово?! Спасибо, что не «мануфактура». Это немного устаревшее и мало употребляемое ныне слово убедило меня в том, что мы столкнулись с некой первобытной грубой силой. И у нас нет никаких средств, чтобы противостоять ей. Фабрикант, то есть наш директор, давно уже здесь и пытается прорваться на свою собственную фабрику. В перерывах между такими попытками он без умолку говорит по телефону. Я топчусь неподалеку и время от времени заглядываю поверх забора, словно пытаюсь понять ситуацию. Нет работника более усердного, чем тот, который понял, что сегодня работать не придется по форс-мажорным обстоятельствам.

Впрочем, я уже практически безработный, ибо совершенно очевидно, что наша фирма обречена. Противостоять шведским банкам, на службе у которых имеются верные адвокаты, судьи и церберы, не удавалось еще никому. А ведь у меня у самого квартира в кредит, пусть и не в Свенбанке, пусть в другом банке, но что это меняет? Я не хочу в один прекрасный день увидеть церберов на пороге своей квартиры.

Вспомнился рассказ Ромэо о лишних людях. Видимо, рано или поздно это происходит практически с каждым из нас. И если в периоды экономического подъема удастся худо-бедно пристроить основную массу лишних людей, то вот в кризисных условиях все пузыри лопаются. Кризисы очень хорошо напоминают лишним людям, что они лишние.

Слово «кризис» звучало тогда везде: на улице, в транспорте, с телеэкранов, из радио и газет. После буйного кредитного пиршества наступило жесткое похмелье. Фирмы банкротировали по сорок штук в день, поставляя на улицы все новых и новых потенциальных бойцов Красных бригад. Многие забыли, как выглядят наличные деньги, зато познакомились с реальными лицами тех, кто еще совсем недавно так мило и «солнечно» улыбался с рекламных плакатов. И под маской этой милой «кредитодающей» девушки оказались клыки и рога.

Банки забирали все движимое и недвижимое имущество, бытовую технику, посуду, одежду и даже домашних животных. Забирали у тех, кто не платил, и у тех, кто платил исправно. Особенно усердствовали шведские банки. Красные комиссары позавидовали бы той продразверстке, которую провел Свенбанк.

Наша фирма также имела неосторожность связаться со Свенбанком, заполучив там кредитную линию. Впрочем, фирма достаточно успешно справлялась с кризисом и никогда

не задерживала платежи. Но не стоит обольщаться, если вы сами не умеете создавать себе проблемы, ваш банк позаботится об этом. Например, заставит вернуть всю кредитную линию в течение месяца.

Последние пару недель по офису, складу и производству слонялись ботанического вида очкарики, посланные Свенбанком, и все вокруг фотографировали. Сотрудники к ним привыкли и перестали вздрагивать, когда неожиданно срабатывала вспышка из-за шкафа или в распахнувшуюся дверь. Зачем очкарики делали такое количество снимков – никто не понимал, но предчувствия были нехорошими. Время от времени приходили их старшие товарищи и запирались в кабинете директора. Неуклонно кредиторы внушали мысль о том, что фирма работает все хуже и хуже, а потому кредитную линию надо закрывать, а средства возвращать, причем в срочном порядке. Фотографии, видимо, должны были служить доказательством угасания фирмы. Директор храбрился и убеждал всех, что ничего у банка не выйдет, уповая на каких-то всемогущих юристов и какое-то там право.

За несколько дней до конца пришли «самые старшие» товарищи, говорившие по-шведски. На их лицах читалось пренебрежение к обитателям взятой без единого выстрела крепости. И вот мы упираемся с утра в цепь охранников на входе.

Директор возмущается больше всех, но что толку?! Где все его юристы, где закон, где право?! Церберы презрительно усмеваются и грубо отталкивают любого, кто приближается к воротам. Даже вызванная полиция предпочла не вмешиваться и вела себя кротко. А само их появление не произвело на церберов никакого эффекта.

Здесь все ясно и, в общем-то, можно расхотеться. Но директор все еще воинственно мечется перед воротами, грозя охранникам судами и санкциями. Затем призывает бывших подчиненных брать ворота штурмом. Однако, должного энтузиазма это предложение не вызвало. Работники обеспокоены лишь тем, как можно будет забрать оставшиеся в офисе зонтик, кактус и любимую кружку с котиком. Мне жаль нашего директора – он был честным трудягой, всю свою жизнь отдавшим работе. Всегда приходил первым, уходил последним, а все силы и средства вкладывал в развитие производства. Не было у него дорогих вилл и эксклюзивных машин – фирма стала делом его жизни. И вот эта жизнь заканчивается коротким, но мощным ударом шнурованного ботинка в живот. Директор падает на спину и не может подняться. Полиция не вмешивается. «В своем банке удобнее» – вспоминаю я рекламу Свенбанка, глядя, как мои коллеги помогают поставить на ноги неуклюжее тело директора. Вот в такие моменты, наверное, люди и решаются взяться за оружие. Хочется примкнуть к какой-нибудь банде, где лишь усмехнутся, выслушав твой рассказ. А потом, передернув затвором, скажут: «Тоже мне, нашел проблему! Вчера мы таких церберов полсотни перещелкали. Ну пошли, освободим твой завод!».

Реальность гораздо прозаичнее. Директору с юристами еле-еле удалось заставить полицию написать хоть какой-то протокол. Мы составили объяснительные, где подтвердили факт избиения директора цербером. Полицейские, не переставая издевательски улыбаться, собрали наши показания и объявили, что на сегодня можно расхотеться, что нас, мол, вызовут, «когда надо будет». Нужно ли упоминать, что и по сей день никто никуда меня не вызвал.

Осознавать собственную незащищенность и несправедливость всегда обидно. Но еще обиднее, когда ты не в состоянии понять происходящее. Какая выгода шведскому банку от того, что мы все стали безработными? Я понимаю, если бы фирма не платила кредит, но чем они руководствуются, предъявляя претензии дисциплинированным клиентам? Почему неработающая фирма и мы, безработные, выгоднее Швеции? Что с нас можно поиметь в такой ситуации? Разве что заминированный фургон под своими окнами.

Дело не в деньгах, миром движет нечто иное. Все больше и больше в этом убеждаюсь. Что такое деньги в современных банках? Это какие-то импульсы в каких-то микросхемах, их даже нельзя потрогать руками. Кто наверняка знает или может проверить, сколько их там? Выключи

электричество – и нет там ничего. Банки могут создать или уничтожить любую денежную массу. Наше государство раздало свои земли, дома и заводы за какие-то импульсы, щелчки процессора. Теперь это все принадлежит иностранным банкам, а у нас осталось... Что у нас осталось? Память об электрическом импульсе.

Я решил поискать информацию о предыдущей шведской оккупации, надеясь найти там объяснение, но запутался еще больше. Никогда не мог сложить в своей голове единую картину истории Латвии. В этой мозаике лишь обрывки историй других государств, деливших здешние земли. Местное население в основном фигурировало как уничтожаемый люд. Периодически я наткнулся на строки, подобные этим:

«в 1600 году началась война между Польшей и Швецией, которая продолжалась 28 лет...»

В Видземе (так называемая Шведская Лифляндия) царила разруха... Города Видземе также находились в полном запустении. В Лимбажи остались в живых всего восемь человек, в Валке – трое, а в Алуksне не осталось ни одного».

Где-то полгода назад я ездил в Алуksне – там еще были люди, впрочем, там был и Свен-банк. А значит, исход их сосуществования не известен. Конечно, в наши дни опустошение городов происходит гуманнее. Люди просто уезжают на заработки в страны, более подходящие для этого. В маленьких городках вроде Алуksне чуть ли не половина жителей либо уехала, либо собирается уехать куда-нибудь в Англию, Ирландию, Германию или в ту же Швецию.

Я вспомнил своего давнего приятеля, который сейчас батрачит в Англии. Он давно уже звал меня к себе, обещая устроить на склад грузчиком. Хорошенько выпив тем вечером, я позвонил ему пообщаться.

4. Обогрев космоса

Одиночество – не самая плохая компания на этой планете. Я всегда твердил об этом Ромэо, и на словах он со мной соглашался. Но на деле, видимо, смириться с этим не так-то просто. Ромэо давно не выходил на связь, и поначалу я даже подозревал, что он устроился на работу. Время от времени ему это удавалось, пусть и ненадолго. В такие периоды мой друг становился высокомерен и отказывался общаться, ссылаясь на безумную занятость.

Скоро выяснилось, что мое предположение ошибочно. Ромэо действительно был занят, но он не работал, он страдал. Страдал от неразделенной любви, за что, собственно, и получил свое прозвище. Подобное случалось с ним периодически, менялись лишь объекты любви, но не менялась ее неразделенность. У Ромэо был свой кризис, и мой кризис его не интересовал.

Когда-то давно я был таким же, и несчастная любовь запросто могла выбить меня из колеи и довести до совершенно жалкого состояния. Но со временем это прошло – в подобные игры я больше не играю. Что может быть отвратительнее и бесплоднее любовных страданий? Плачущий и ноющий мужчина – зрелище жалкое. Нельзя ставить себя в психологическую зависимость от людей, которые этого явно не заслуживают. Ведь зависимость – это слабость, а жизнь не прощает нам слабостей. Я выучился абсолютному равнодушию и превратился в форменного дикаря. Общение с женщинами меня скорее раздражает и очень быстро утомляет. Я подсознательно ищу способы от него избавиться. И женщины платят мне тем же. В этом, несомненно, есть свои минусы, но плюсов, на мой взгляд, все же больше.

Меня даже не огорчает, что Ромэо не желает со мной общаться в последнее время. Я преспокойно напиваюсь сегодня один, то есть не в самой плохой компании. И кроме алкоголя мне нужен лишь Интернет и Ютуб. Там я найду все необходимое для хорошего вечера. Что это будет, я пока не знаю, но если правильно подобрать звукоряд, то в душе раскрывается космос. Такое может случиться, а может и не случиться.

Сегодня мы начнем, пожалуй, с певицы ZAZ, она же Изабель Жефруа. Разве это не прекрасное начало? Я могу выпить целую бутылку вина под ее версию «Ces petits rien⁴». Мы еще не раз вернемся к Изабель за этот вечер. А пока послушаем Горана Бреговича, в особенности «Белла Чао» в его исполнении. Теперь поищем, кто еще и как исполняет эту песню. Я постепенно втягиваюсь – что-то там в душе зашевелилось.

Как вы думаете, кто исполняет песни Тома Уэйтса лучше всего? Вы скажете, что, конечно же, это сам Том Уйэтс, и ошибетесь. Просто вы не слышали, как их исполняет Ребекка Баккен! А я слышал, и это стало настоящим открытием. И не единственным! Мною еще была обнаружена восхитительная корсиканская группа Chjami Aghjalesi. Я даже не знаю, как это правильно выговорить, но вечер явно удался. Вот ради таких открытий и стоит пить не в самой плохой компании.

Дальше шло все подряд: Эми Вайнхаус, Каро Эмеральд, Стинг, «Ленинград» и еще бог знает что. По мере опьянения мелодии становились все мощнее и проще. Не вспомню, каким зигзагом прошли мои вкусовые предпочтения, но кончился вечер, точнее уже глубокая ночь, песней «Вставай, страна огромная». Я ее прослушал в разных исполнениях на приличной громкости. Забирало хорошо, черпало из самых глубин души. На следующее утро, правда, было стыдно перед соседями. Что они обо мне подумают? Ватник – он и есть ватник...

Встретиться с Ромэо мне удалось лишь через пару дней. Я застал его дома, явившись внезапно, без предупреждения. Он был не один, а с девушкой, с объектом своих страданий, по-видимому. Девушка действительно была очень хороша и, вне всяких сомнений, годилась в объ-

⁴ Ces petits rien – «Эти мелочи» (фран.) – популярная французская песня Сержа Генсбура.

екты. Влюбленные ругались, как это и происходит со всеми его девушками рано или поздно. Я даже хотел уйти из вежливости, но Ромэо настоял на моем присутствии.

«Надо брать пример с успешных людей!», «Этих успешных людей мы скоро будем вешать на фонарях!», – я начал слушать примерно с этого места. Угадайте, кому какая реплика принадлежит. Ромэо, судя по всему, завелся не на шутку. Похоже, он потеряян для общества на пару месяцев.

– Ой-ой-ой. Кто это «мы»? – спросила девушка с издевкой.

– Такие, как я. Такие же, как он, – Ромэо указал на меня. – Вот тебе очередной «успешный» человек.

– Это какие такие, интересно? – девушка посмотрела на меня оценивающе.

– А те, которые все делали так, «как надо», и теперь вот благодаря этому оказались в жопе.

– Ну что, у всех бывают в жизни трудности. Не вы одни такие. Надо их преодолевать.

Надо что-то делать.

– Что делать?! Что?! Идти грабить, убивать?! Ты этого хочешь?

– Нет, конечно! Просто кризис – это время возможностей.

– Каких еще, на хрен, возможностей?! – кричит Ромэо. – Каких?!

Девушка отмахнулась от Ромэо и спрашивает меня:

– Вы тоже так считаете?

– Не знаю, не знаю, мадам, – приходится мне отвечать. – Я всегда делал то, что было надо. Я окончил школу с медалью, потому что так было надо, потом я еще семь лет учился в университете, потому что тоже было надо. Потом работал везде, где было надо. Что из этого вышло? Ничего. Вот теперь я и думаю: может, и не надо было делать всего того, что надо?

– Ну это в вас говорит обида. А вот кризис как раз и дает возможность переосмыслить свои цели в жизни. – Девушка, похоже, нашла во мне благодарного слушателя. – Нужно просто понять, чего ты на самом деле хочешь в этой жизни.

– Да-да, я знаю эту философию. Надо понять, чего ты на самом деле хочешь, и заниматься исключительно любимым делом. А все остальное, в том числе деньги и успех, рано или поздно приложатся. Но мы знаем другую правду. В нашем мире сначала ты работаешь, чтобы заработать себе право работать, а потом ты работаешь, чтобы заработать себе право не работать. Вот такой вот круговорот работы в природе.

– Не обязательно! – возражает она мне. – Есть люди, которые работают не для того, чтобы заработать себе право не работать. Я знаю тех, для кого любимое занятие и есть работа.

– Превратить свое любимое занятие в работу удастся лишь единицам. В качестве примеров нам демонстрируют исключительно истории успеха. Их немного. Одни и те же люди кочуют из газет на телевидение и обратно, чтобы поучить нас всех жизни. Историй неуспеха в сотни и тысячи раз больше, просто их нигде не показывают – да и что там показывать? Долги, банкротства, выселения; страдания и слезы, а то и самоубийства.

– А чем бы вы хотели заниматься в жизни больше всего? – спросила девушка.

– Больше всего я хочу убивать богатых! Что мне делать? – встречает Ромэо.

– Фу-у-у, – девушка поморщилась. – Ну зачем ты такое говоришь? Это же...

– Что, «это же»?! Ужасно, да? Но это действительно то, чего я хочу. Честно и искренне. Иногда мне кажется, что хотеть убивать богатых настолько естественно, что я не понимаю, как можно этого не хотеть.

– Так! Давай сменим тему. А то я сейчас уйду, – предупреждает наша собеседница.

Теперь они ругаются по поводу музыки. Она пригласила Ромэо на фестиваль российской поп-музыки и даже купила билет, чем разгневала моего друга окончательно.

– В этом мире столько фантастической, столько разнообразной музыки! – Ромэо практически орет. – Джаз, блюз, фаду, авангард, концептуальная музыка... Столько стилей и исполнителей по всему миру! Да чтобы просто по одному разу их послушать, не хватит и целой

жизни. И как при таком разнообразии можно остановиться на Верке Пердючке и слушать это убожество с утра до ночи?!

– На Верке Сердючке, – поправила его девушка, понимая, впрочем, что оговорка не случайна.

– Это надо быть полным дегенератом! – резюмирует Ромэо.

Я начинаю зевать – каждый раз повторяется одно и то же. Ромэо никак не хочет понять, что в мире красивых девушек не может быть ни Дэвида Бирна, ни Фреда Фриза, там поп-группы сладкими голосами будут петь про мачо и любовь, а напوماженный Филипп Киркоров поет о том, что «Любофь бывает жестокой». Спускаясь в мир красивых девушек, надо забыть о концептуальной музыке. Им нравится Григорий Лепс и Валерий Меладзе, и с этим ничего нельзя поделаться. Здесь бесполезен даже террор.

Кончился их спор тем, что девушка назвала Ромэо уродом и пошла собираться. Было слышно, как она злобно пыхтит в коридоре, натягивая сапоги. Я сочувственно покачал головой, едва сдерживая улыбку.

– Да пусть валит! – крикнул Ромэо.

Еще парочка оскорбительных эпитетов, и дверь захлопнулась. Меня Ромэо попросил остаться, достав из бара бутылку виски.

– Я надеюсь, ты не откажешься?

Вопрос скорее риторический. Конечно, я не откажусь. Одиночество – хоть и не самая плохая компания на этой планете, но и не самая лучшая. Мы находим на Ютубе концерт Трио Эдди Хиггинса «A Portrait In Black And White»⁵ и разливаем первые бокалы. Впрочем, я рано обрадовался – Ромэо был настроен основательно понять. Он то восторгался своей новой любовью, перечисляя ее неоспоримые достоинства, то посылал в грубой форме, не стесняясь в выражениях. Затем обвинял меня в том, что я его предал, слабо поддерживая в споре. И все в таком духе. Иногда мне все же удавалось перехватить его внимание. Тогда я рассказывал Ромэо о своих планах поехать в Англию на заработки.

– Поехали со мной! – говорил я ему.

– Ага, сейчас! Какая, на хрен, Англия?! – Ромэо мотает головой. – Что, так и хочешь сгнить, вкалывая на них? Пошли лучше в тир, учиться стрелять.

– Тебе-то хорошо, – я тоже решил немного пожаловаться. – Родители эту квартиру тебе оставили, а у меня-то квартира в кредит. Банк, теоретически, может выкинуть меня в любой момент, если узнает, что я безработный. Даже если я еще способен что-то платить.

– Человека с пистолетом не так-то просто выкинуть. Учись стрелять, пока не поздно! А там, может, и оружие раздобудем...

– Да несерьезно все это.

– Seriously.

Ромэо все время возвращался к своим любовным страданиям, и говорить с ним на другие темы не получалось. По мере потребления виски его мысли стали ходить по кругу и повторяться. Это было уже невыносимо.

Я перестал слушать бред Ромэо и погрузился в невеселые раздумья. Мы не только лишние, но еще и бестолковые люди. Никогда мы не создадим никаких Красных бригад, никогда не сделаем революцию. Пока что я вижу себя в вагончике посреди большой английской фермы просыпающимся без пяти пять утра, чтобы идти на работу. Эта засевшая мысль – последнее воспоминание того вечера.

Проснувшись, я некоторое время не мог понять, где нахожусь. Вокруг было непривычно темно. Наконец до меня дошло, что я, видимо, на диване в гостиной у Ромэо. Дорогу в туалет и обратно пришлось искать практически на ощупь. Толком уснуть после этого мне так

⁵ A Portrait In Black And White – «Черно-белый портрет» (англ.)

и не удалось. Я ворочался до того момента, пока из спальни Ромэо не зазвучало: «От тайги до британских морей: Красная Армия всех сильнее!». Это было уже часов восемь утра. Он врубил песню на полную громкость. Получается, я еще достаточно деликатен по отношению к своим соседям, моя «Вставай, страна огромная» звучала намного тише.

Со вчерашнего вечера я помню момент, когда почувствовал некоторое превосходство над Ромэо, готовым вот-вот заплакать. Жалеть его я отказываюсь, как и отказываюсь понимать. Нельзя лезть к этому миру со своей любовью. Может быть, кому-то можно, но не нам, не лишним людям. Любовь – не наш бизнес. Лишние люди не потребляют любовь, они вынуждены производить ее в промышленных масштабах и выпускать в космос, не получая ничего взамен. Для этого нужно впустую потратить черт знает сколько внутренней энергии, сил и лет. Пытаться согреть космос – бессмысленно.

5. The most wonderful time of the year⁶

Революция откладывается, господа, – потенциальный террорист едет на заработки. Не хочется, а надо. Я и так тянул с ответом до последнего. Больше тянуть нельзя. Мой английский приятель сообщил, что новая группа рабочих на склад почти укомплектована. Не хватает буквально пары человек, и он готов замолвить за меня словечко, но ответ надо дать прямо сейчас: «Желающих и так больше, чем нужно». Пришлось соглашаться. Мы тут же приобрели мне по Интернету билеты на самолет и автобус. Все, теперь обратного пути нет.

Оставшиеся дни пролетели молниеносно, не успел я оглянуться, как оказался в аэропорту. Мадьярская авиакомпания-дискаунтер «Визз-Эйр» удивила своим обслуживающим персоналом. Вместо стюардесс там были одни стюарды, одетые в какие-то нелепые камзолы по типу швейцаров в гостиницах. Тонкие, вертлявые, смуглые – они все походили на гомосексуалистов, причем манерных. Самолет трясло и кидало всю дорогу. Стюарды только смеялись и танцевали ламбаду в ответ на турбулентность. Я представлял, что в кресле пилота, возможно, сидит такой же вертлявый педик, и мне становилось страшно. Крепко вцепившись в поручни, я сидел с невеселыми мыслями: «Глупо, очень глупо. Вот сейчас грохнемся, и я погибну ни за что. А если уж и погибать, то за дело, а не с кучей этих карикатурных швейцаров».

Но долетели мы благополучно, и уже на следующий день я сидел на собеседовании. Это был гигантский склад, точнее логистический центр сети супермаркетов TESCO. Работа начнется через несколько дней, а пока мы слушаем инструктаж и заполняем кучу всяких анкет. Со мной рядом в основном словаки, поляки и литовцы, есть несколько земляков из Латвии. Один-единственный представитель Болгарии совсем не говорит по-английски. Группа чернокожих мужчин и женщин из Африки, человек восемь, отсеялась на первом же этапе, когда собрали паспорта. Оказалось, у них у всех просрочены визы, а у одной негритянки с необъятным задом оказался просроченным даже паспорт. Их всех попросили покинуть помещение. Они выходили, гордо подняв голову, посылая африканские ругательства на головы инструкторов. Но те не переживают по этому поводу, они знают – работники из африканцев плохие. Так или иначе скоро сбегут. Гастарбайтеры из Восточной Европы ценятся гораздо выше. Эти пашут как проклятые.

Пахать предполагалось в качестве сборщиков заказов, по-английски это называется «пикер». Нужно носиться по необъятному складу и собирать заказы в большие корзины на колесиках, «кейджи». Корзины мы возили на небольшом погрузчике, но сами товары собирались и складывались вручную. Поначалу работа не показалась мне особо трудной, но они ничего не сказали про скорость. Скорость сборки заказов, или производительность, и есть сверхцель моей работы, а совсем не качество или точность. Производительность труда они называют чудным словом «перформанс», и это является главной и единственной характеристикой гражданина Латвии, востребованной в Евросоюзе. После первых недель работы, прошедших относительно спокойно, нас стали «ускорять». Ежедневно и ежечасно требовали повышения перформанса. Парочка чернокожих парней, преодолевших жесткий отбор на собеседовании, через неделю перестала появляться на работе. Перформанс – это не для них.

Весь процесс моей работы контролируется компьютером – на запястье у каждого пикера маленький компьютер, на пальце – сканер. Каждый твой шаг виден Большому Брату. Посидеть на лавочке, покурить или поболтать не получится. От тебя постоянно должны исходить сигналы сканирования товара. Полчаса на обед, и ни секундой больше. Перформанс также считает компьютер, и после каждого выполненного заказа на табло высвечивается «приговор».

⁶ The most wonderful time of the year – Самое прекрасное время года (англ.)

Поскольку нормы скорости постоянно повышаются, то нагнать нужные 100% перформанса практически невозможно. Разве что с утра и на очень простых заказах.

Присматривать за нами поставлены тим-лидеры⁷, в основном словаки. Их задача – следить за неуклонным повышением перформанса. Если перформанс падает критически, словаки вызывают нас «на ковер», где объясняют, что нужно работать быстрее. Объясняют как умеют. Я неоднократно вынужден был слушать подобную лекцию на их корявом английском. Эти «воспитательные» беседы постепенно начинают действовать на нервы.

– Что, тебе тоже мозги промывали? – спросил меня коллега-литовец по имени Гедеминас. Он был вызван словацкими тим-лидерами следующим за мной.

– Да задолбали они с этим перформансом! За кого они нас держат? Что они о нас думают вообще?

– Я могу тебя успокоить, – Гедеминас похлопал меня по плечу. – Они о нас вообще не думают.

Я невольно улыбнулся этой шутке. Гедеминас, как выяснилось, опытный пикер, он проработал здесь без малого год. Узнав это, я проникся к нему уважением. Удастся ли мне протянуть столько же, не знаю. Гедеминас продолжал:

– Они думают лишь о том, чтобы средний перформанс не упал ниже определенного уровня, поэтому и должны нас «прорабатывать». Иначе эту словацкую обезьяну будут «прорабатывать» его английские боссы из TESCO. А твоя работа – стоять и кивать.

Узнаю «милый» и ненавязчивый прибалтийский расизм. В частных и доверительных беседах без него никак не обойтись. Кроме вечно плохих «жидов», в их классификации народов обязательно будут присутствовать некие «обезьяны», «макаки» и прочие представители отряда приматов. Словацкие бригадиры мне самому не нравятся, но совершенно по иной причине. Мне кажется, что в них присутствуют то же высокомерие и тот же расизм. Но я стою, улыбаюсь и киваю, выслушивая их требования по повышению перформанса.

Финальным аккордом стал канун Рождества. В мире потребления это пик продаж, вершина безумия. Мы практически забыли про выходные, работаем по двенадцать часов в день в добровольно-принудительном порядке. По их законам, человека нельзя заставлять работать больше восьми часов в день и не брать выходные, но работник может «добровольно» изъявить подобное желание. Словакам больше доверия нет, и теперь сами англичане буквально ходят за нами по пятам. Они то умоляют нас поработать еще, то подкупают, обещая дополнительные выходные потом, то угрожают, что больше не позовут на работу.

Если в обычный рабочий день нам платят 7 фунтов в час, то в выходные ставка вырастает до 8.75. Таким образом, за 12-часовую рабочую смену в выходные, можно получить довольно привлекательную сумму, даже после вычета налогов. Но и эти деньги уже не радуют, сон и отдых кажутся нам теперь самыми ценными и желанными сокровищами.

Рождество вроде бы считается самым счастливым временем в году. Но, видимо, не для всех. Гастарбайтерам из новых стран Евросоюза приходится несладко. Буквально за последний месяц я сбросил килограммов десять, хотя и так никогда не был особенно толстым.

По внутреннему радио с утра до вечера транслируют рождественские песни, одни и те же, штук пятнадцать. Мне кажется, все их уже выучили наизусть. Я и предположить не мог, что рождественские песенки когда-то будут ассоциироваться у меня с этой беготней до седьмого пота. «It's the most wonderful time of the year»⁸ – несется из колонок, а мне в спину летит словацкое: «Ф-а-стер!», «Ф-а-а-стер!», «Ф-а-а-а-стер!»⁹.

⁷ Team leader – бригадир, дословно: «руководитель команды» (англ.)

⁸ «It's the most wonderful time of the year» – «Это самое прекрасное время года» (англ.) – популярная американская рождественская песня.

⁹ Faster! – Быстрее! (англ.)

После Рождества как отрезало – работы не стало вообще. Насытившись, британский потребитель просил оставить его в покое. Дело в том, что мы работали не напрямую в TESCO, а через агентство. Постоянного контракта не имели, просто каждый день приходило смс о том, будет работа завтра или нет. Следующие пару недель шли сообщения, состоявшие из двух слов: «Day off»¹⁰. Мы сидели в своем вагончике на ферме, глядя на бесконечный дождь и несчастных мокрых овец за окном. Мой приятель переживал, а я был рад, что нас не зовут на работу. Чем дольше мы сидели, тем меньше мне хотелось возвращаться на этот склад. Поэтому, когда наконец пришло сообщение, что завтра у меня утренняя смена, я стал собираться в Ригу. Идите вы в жопу со своим перформансом!

Некоторая сумма денег все-таки накоплена, и ближайшие полгода я смогу рассчитывать с банком и спокойно жить, не опасаясь визита церберов. Большого мне и не надо – сдохнуть на этом складе в погоне за перформансом я не собираюсь.

Вернувшись в страну эконом-класса, я сразу же позвонил Ромэо с одним единственным вопросом:

– Тебе компания для похода в тир еще нужна?

Ромэо посмеялся да и только. Сказал, что зимой тир закрыт и надо подождать со стрельбой до весны. Но, по-моему, Ромэо снова что-то темнит, он явно не горит желанием со мной общаться. Иногда просто не берет трубку.

¹⁰ Day off – выходной (англ.)

6. Бармен из Бомбардира

Мы договорились встретиться в пабе под названием «Бомбардир», но Ромэо снова куда-то пропал и к означенному часу не явился. На звонки он не отвечал, и мне пришлось коротать время, беседуя с барменом по имени Денис. Все началось с моего вполне невинного вопроса:

– Сколько стоит пиво?

– Заплати сколько можешь, товарищ! – не задумываясь, ответил бармен.

– Ты это серьезно? – на всякий случай переспросил я.

– Абсолютно! – гордо отвечает мне бармен, а из-за его спины выглядывает огромный постер с Че Геварой.

Ромэо предупреждал меня, что этот Денис совсем непрост, но такого я никак не мог ожидать. «Если вы зайдете в английский спортивный паб „Бомбардир“ и спросите у бармена, что он ненавидит больше всего на свете, – так обычно Ромэо рассказывал о Денисе, – то получите вполне конкретный ответ: спорт и англичан».

– Значит, ты Ромэо ищешь? – поинтересовался Денис.

– Да, мы договорились встретиться тут.

– Он уже несколько дней не появлялся.

Я с сожалением пожал плечами:

– Ну что поделаешь...

– Так ты пиво-то будешь?

– Буду! – я решил остаться.

– Какое?

– Налей какого не жалко! – ответил я, пытаюсь выдерживать стиль общения.

Так мы познакомились. Денис оказался занятным собеседником, он был не по-барменски начитан и умен. Свою противоречивость, разрекламированную Ромэо, бармен пояснял просто:

– От спорта в этом баре осталось одно лишь название. С приходом кризиса всех болельщиков как ветром сдуло. Сам посмотри – пустота! Когда я только начинал работать, эти дегенераты уже еле-еле могли за выпивку заплатить. В основном клянчили в долг. А скоро и совсем сдулись.

– А почему ты англичан не любишь?

– Они все больные на голову. Я тут такого насмотрелся... – Денис махнул рукой.

– А я, кстати, только что из Англии приехал, – радостно сообщил я.

– Нашел чем хвастаться! Впрочем, по тебе этого не скажешь.

– Почему это?

– Ты бы видел хозяина этого заведения, Стива! Вот это сразу было понятно, что человек из Англии приехал. Он тут для бритов мальчишники устраивал, так проститутки под конец сами готовы были доплачивать, лишь бы их отпустили. Помню, как Стив один раз, ужравшись до остекленения, на спор бегал в одних розовых стрингах вокруг памятника Свободе. А это был конец ноября, между прочим. Представь: за ним еще полицейские кругами носились, никак поймать не могли. Это было нечто! Стринги, если честно, ничего там особо не закрывали. Полицейские ржали как лошади, сдержаться не могли, но бегали. Большой затейник Стив был...

– Почему был? Он что, умер?

– Убили.

– Да ладно?! Я надеюсь, не ты?

– Нет, не я, – усмехнулся Денис. – Это где-то в Англии произошло. Как и за что его убили, не знаю. Скорее всего ни за что, просто так. И меня это несколько не удивляет.

Судя по всему, мертвый англичанин нравился Денису больше, чем живой, к тому же теперь можно было делать абсолютно все, что захочется. Дело в том, что Стив сам не любил заниматься делами и отдал бразды правления Денису, оставив ему все необходимые контакты с поставщиками, доступ к счету и право подписывать документы. Бармен остался за главного и вполне мог обеспечивать работу бара до появления наследников или кредиторов. Впрочем, пока никто этим заведением не интересовался.

Как мне показалось, о Стиве Денис отзывался все-таки с некоторой симпатией, а вот больше всего он ненавидел футбольных болельщиков:

– Понимаешь, в разгоряченной толпе футбольных болельщиков интеллектуальный уровень выравнивается по самому тупому ее участнику. Это биомасса, наделенная сотнями сильных рук, ног и туловищ, но практически обделенная мозгами. Они просто ради интереса могут раскроить тебе череп. Ну, чтобы посмотреть, что там внутри...

Мне становится весело от рассказней бармена и от пива сорта «заплати сколько можешь». Я требую поведать мне историю, как он докатился до жизни такой. Биография моего нового знакомого несколько печальна, но довольно типична для нашей страны.

Денис не всегда был барменом, до этого он работал в офисе и носил гордое название «менеджер». Дела у компании шли неплохо, и зарплата Дениса составляла приличную сумму по местным меркам. Но фирма работала в основном с Россией, а не любить Россию всегда было очень модно у здешних политиков. Отношения двух стран неуклонно ухудшались все время их независимого сосуществования. И в один день, вполне ожидаемо, Россию объявили «Империей зла», после чего ввели экономические санкции. Не знаю, почувствовали ли санкции в России, но фирма, где работал Денис, разорилась довольно быстро. Премьер-министр тогда много и горячо говорил о том, что ради дела борьбы за демократию и права человека не жалко пожертвовать какой-то частью доходов. Чужих доходов ему было совершенно не жалко, ну просто ни капельки.

Побыв довольно продолжительное время безработным, Денис устроился барменом-распорядителем в этот паб. Помог случай. Он, пьяный, подрался с пьяным же Стивом где-то в Старой Риге, и оба попали в полицию. После проведенной вместе ночи в полицейском участке Стив почему-то проникся доверием к Денису. И, открывая питейное заведение, англичанин пригласил поработать своего нового друга. Денис поначалу наотрез отказывался, но полное отсутствие других вариантов и уговоры Стива сделали свое дело.

– Просто нужна была передышка, чтобы немного поправить финансовое положение, – оправдывается Денис. – Но это, конечно, не то. Да и «Бомбардиру» скоро неизбежно придет конец. Надо что-то настоящее. Надо готовиться к серьезному делу.

– К какому еще делу? Ты собираешься открывать свой бизнес?

– Какой к черту бизнес? Совсем рехнулся?!

Варианты заниматься бизнесом Денис отметал сразу же. Он давно уже разочаровался в «невидимой руке» рынка, тем более в Латвии. Увольнение и последующая безработица лишь укрепили его в этом пессимизме.

– А что тогда?

– Понимаешь, я накопил столько злости, пока был безработным, – доверительно сообщил мне Денис. – Мне надо ее куда-то деть.

– Злости? А на кого? На англичан что ли?

– Да причем тут... Нет. Не на англичан. Ни на кого конкретно и на всех одновременно. Понимаешь, безработный – это очень унижительное состояние для мужчины. Да ты, я думаю, и сам это знаешь. Безработная женщина все-таки вызывает больше сочувствия и понимания в обществе. Для мужчины же не существует никаких оправданий. Просто считается, что ты лентяй, алкоголик и вообще не состоятелен как мужчина.

– Слушай, ну сам факт трудоустройства далеко не всегда даст тебе почувствовать себя мужчиной. Унизительных работ тоже полно.

Я рассказал Денису про свой опыт работы в Англии, про перформанс.

– Перестань! Там все-таки платят вполне приличные деньги, – возразил Денис. – Да, вкалывать приходится, но и заработать можно. У нас ты хоть сдохни на работе, таких денег нигде не получишь.

– Ну, в принципе да, согласен. Это с одной стороны. Но я говорю вообще, об отношении к нам со стороны тех же англичан или словаков.

– Можно подумать, наши местные работодатели обращаются порядочнее со своими работниками? Еще хуже, пожалуй. А правительство? Оно любит нас больше, чем твой словак-бригадир?

– Пожалуй, что нет, – улыбнулся я. – Что мы с ними за это сделаем?

– С правительством? Не знаю... Устроим им этот, как ты говоришь, «перформанс»!

– Революцию что ли? – я кивнул на профиль Че Гевары.

– А почему бы и нет?! – ответил Денис, рассматривая команданте.

– Революция – это слишком долго и нудно, – сказал я, покачав головой.

– Ну почему?! Можно сделать все очень быстро.

– И потом, ты же знаешь, революции пожирают своих детей.

– Не обязательно! – возразил Денис. – Возьми ту же кубинскую революцию. Ну и кого там пожрал? Все, кроме Че Гевары, благополучно дожили до старости. Да и Че Гевара выбрал свою смерть сам, и никто его не репрессировал.

– Ну это скорее исключение. Все остальные случаи были печальными.

– Смотря кто этим занимается. А в бизнесе, что, как-то по-другому все происходит? В бизнесе все пожирают всех, только дай волю. Везде так. Вон, даже родственники пожирают друг друга за какую-нибудь сраную квартиру. Почему революционеры должны быть лучше их? И потом, революции ведь тоже можно устраивать по-разному. Вон, Ромэо говорит...

– Да знаю я, что Ромэо говорит! Он мне все уши прожужжал своей Ульрикой Майнхоф. Красные бригады – вот это и есть самая настоящая полная фигня! Красивое самоубийство, не более того. Все-таки терроризм отталкивает большинство людей.

– Ошибаешься! – воскликнул Денис. – Возможность безнаказанно убивать, насиловать и грабить не дает покоя многим. Революция, по сути, это тот же терроризм. И он притягивает. Посмотри, ведь самый кайф в революции – это месть врагам, то есть физическое уничтожение тех, кто тебе не нравится, и экспроприация их собственности. Именно здесь можно отвести душу и вдоволь поизголяться! Однако, вот на этом, на терроре, хорошо бы и остановиться. По моему мнению, надо перенести из общего безумия революции лишь самое лучшее. Так сказать, начать обед с десерта, десертом и закончить. Иначе потом: гражданская война, разруха, голод и прочее. Вот это уже точно никого не притягивает.

За столь занимательным спором мы засиделись до глубокой ночи. Я стал частенько захаживать в «Бомбардир» после того вечера. Ромэо тоже появился там, но лишь через несколько дней. Оказалось, что тир все-таки работает, несмотря на зиму. То ли выпало мало снега, то ли это вообще не зависит от времени года.

– Ну, ты готов к великим делам? Тир ждет нас! – сказал Ромэо как ни в чем не бывало.

Уже на выходе он позвал и Дениса:

– Закрывай свою лавочку, пошли с нами!

– Не, я сегодня еще не заработал на патроны.

– С такой ценовой политикой ты и не заработаешь.

7. Переделыватель миров

Не покидало ощущение, что я попал в прошлое, – здесь время словно остановилось в конце восьмидесятых. Мы идем по бывшему спорткомплексу некогда легендарного завода ВЭФ. Сам завод давно умер, как и все имевшее отношение к бывшему величию, но часть корпусов внешне достаточно хорошо сохранилась. В результате получился небольшой заповедник советской эпохи с остекленными стендами для портретов передовиков и огромными тополями вдоль потрескавшихся тротуаров. Напротив пустующих стендов чисто советские скамейки и каменные урны – я давно таких нигде не встречал. И ни единого человека вокруг...

– Неужели здесь кто-то есть? – спросил я.

– Конечно, есть, – ответил Ромэо.

Дверь одноэтажного здания, где расположен тир, открылась, когда мы ее потянули. Знаете, такая типичная советская дверь, с потрескавшейся и местами отвалившейся краской. На двери табличка из оргстекла, под оргстеклом надпись «тир», по трафарету. Какой-то ностальгией повеяло от этой перекрашенной двери, от старой асфальтовой дорожки и от могучих стволов тополей.

Пройдя по темному коридору, мы очутились в помещении, выходящем в узкий длинный дворик, который, собственно, и есть тир. Сверху, с определенным шагом, расположены бетонные перекладины, чтобы пули не улетали за пределы тира. Внешняя стена помещения имеет вертикальные проемы для стрельбы, а в углу находится столик, за которым сидит мужчина лет пятидесяти. Это смотритель тира, он же инструктор.

– Ну вот, – Ромэо развел руками, – здесь и будем стрелять.

Кроме нас в помещении никого больше не было. По словам инструктора, сюда иногда заезжают полицейские и охранники потренироваться перед сдачей каких-либо нормативов. Реже – обыватели, проведавшие о существовании тира и желающие подержать в руках настоящее оружие.

Выбор оружия относительно невелик, но для нас, мало что понимающих в этом, – вполне достаточно. С десятков моделей пистолетов: «Глок», «Чезет», «Макаров», ТТ, парочка револьверов, спортивный «Ар-минус». Кроме того, несколько помповых ружей, названия которых я не запомнил.

Смотритель, записав наши фамилии в журнал, пошел по коридору в одну из комнат, где, судя по всему, и хранилось оружие. Так как Ромэо заявил, что берет «Глок», я, недолго думая, решил взять «Чезет». Просто слово «Чезет» мне понравилось больше, чем, например, слово «Макаров». Мы решили стрелять снаружи, и я отказался от наушников, несмотря на уговоры инструктора. Мне хотелось понять, как стрельба звучит в реальности. Прикрепив мишени, мы встали на огневые позиции и прицелились. Первый выстрел получился неожиданно мягким, никакой особой отдачи я не почувствовал. А вот звук был неприятно громким, и скоро я пожалел, что не взял наушники.

Стреляли мы примерно одинаково, хотя Ромэо оказался чуть более метким. Инструктор, видимо от нечего делать, решил подтянуть меня по стрельбе. Однако добился обратного результата. Как только я стал задумываться над каждым своим движением – сразу же начал мазать. Зато у меня неплохо получалось менять магазины и передергивать затвор. Слава богу, в тире появился очередной посетитель и наш инструктор пошел ему навстречу, оставив меня в покое. Отстреляв до конца обойму, я обернулся и посмотрел на вновь прибывшего. Это был высокий парень атлетического телосложения. И хоть он стоял ко мне спиной, я почувствовал, что знаю этого парня. Когда здоровяк обернулся, сомнений не осталось – это был Саша, мой давний знакомый; когда-то мы звали его Саша Большой.

– Воздушно-десантным войскам привет! – крикнул я. Мне Саша был знаком еще по увлечению парашютным спортом. Мы не виделись несколько лет, но мой приятель особо не изменился, разве что стал еще здоровее.

– А-а, Витя, кажется... – не сразу, но все же он вспомнил меня. – Ты что это, в охранники решил податься?

– Нет.

– А что ты здесь делаешь, интересно?

– Просто так, пострелять пришел.

– А ты знаешь, что просто так пострелять любят либо маньяки, либо импотенты? Ты к какой категории относишься? – Саша любил хохмить. У него всегда была наготове какая-нибудь дежурная шутка вроде этой.

– Ну-у, скорее к маньякам.

– Я так и думал.

– А сам-то что?

– А я в охране давно уже работаю. Квалификацию терять нельзя. Вот, потренироваться приехал.

Саша пришел «со своим» – у него была сумка с оружием, раскрыв которую, он стал готовиться к стрельбе.

– Твое? – с завистью спросил я.

– Нет, не мое. Рабочее.

– Хороший арсенальчик...

– Ну как ты поживаешь? Чем занимаешься? – спросил Саша, заряжая первый пистолет.

– Я-то. Да ничем особо не занимаюсь. В Англии вот был на заработках, ну а сейчас...

– Безработный что ли? Тогда все понятно.

Прикрепив новые мишени, мы встали на огневые позиции.

– Безработные, огонь! – скомандовал Саша.

Патроны уходили быстро, зритель только и успевал бегать в свою комнатку за новыми коробочками. Мы делали небольшие паузы, чтобы перекурить и поболтать.

Ромэо периодически спрашивал меня:

– Ну как тебе? Нравится?

– Классно! Очень нравится, – каждый раз совершенно искренне подтверждал я.

– Ну вот видишь, а ты идти не хотел, – довольный собой говорил Ромэо. – Что, не хочешь больше на заработки в Англию ехать?

Я засмеялся:

– Нет, не хочу. Правда и здесь я заработков пока не вижу.

– И не увидишь. С работой будет все хуже и хуже.

– Где? Здесь или там?

– И здесь, и там. И такая тенденция сохранится. Найти работу все труднее, а если нашел, то вкалывать надо вдвойне. Не замечал разве?

– А ты тоже что ли безработный? – спросил Саша, до этого внимательно слушавший Ромэо.

– Да. Причем идейный.

– О как! Это что еще означает?

– Означает, что мы лишние люди и нет смысла рыпаться. Мы безработные не потому, что что-то там умеем или не умеем делать, а потому, что для нас просто нет места. Да его и не может быть. Лишним людям уготована иная участь, им уготована большая драка, и не стоит делать лишних телодвижений.

– Это и есть твоя идея? А в чем будет заключаться эта драка? – Саша смотрел на Ромэо с некоторым вызовом.

– Мир столкнется с необходимостью серьезного сокращения лишнего населения, – продолжил Ромэо, не смутившись. – Вопрос только в том, кто кого сократит. И вот тут уж зевать нельзя.

– И что делать, чтобы не быть сокращенным?

– Ну, хотя бы нужно уметь хорошо стрелять и, главное, иметь из чего стрелять.

– Чем тебе это поможет?! – усмехнулся Саша. – Если правительства решат столкнуть нас лбами, то вот такие вот, как ты, друг друга и посокращают. Если уж мы, как ты выразился, лишние люди, то свою судьбу изменить не сможем.

– Правильно! А раз наша судьба в рамках данного мира предрешена и изменить ее никак не получится, то выход один – менять мир. А что меняет мир лучше оружия? Ничего. На сегодняшний день это самый эффективный переделыватель миров!

Дослушав, Саша Большой коротко заключил:

– Да вы психи! Вас в тир вообще пускать нельзя.

8. Скажи наркотикам нет

Недостатка в психах наш город не испытывал никогда. Порою кажется, что они окружают вас буквально повсюду. Бывают такие дни, когда лучше вообще не выходить из дома.

В то утро первый ненормальный попался мне по пути на собеседование. Да-да, не подумайте, будто я только и делал, что пил пиво и болтал о мировой революции. Я еще занимался поисками работы, правда до собеседований доходило редко, чаще мои резюме оставались без ответа. А тут, после нескольких месяцев тишины, вдруг позвонили. Я основательно готовился и даже разволновался с непривычки. Утром на пути к автобусной остановке все мои мысли были заняты лишь предстоящим собеседованием. Вдруг совсем рядом я услышал вкрадчивые слова:

– Добрый день... – со мной поравнялся улыбчивый парень в камуфляжных штанах. В руках он держал початую бутылку пива. Несмотря на добродушную улыбку, в глазах его читалось безумие.

«Денег попросит или сектант?» – гадал я.

– Прошу прощения, – произнес парень, – у вас не найдется для меня одной сигаретки?

– Извините, не курю.

«Может, не так все и страшно», – подумалось мне.

Впрочем, рано я обрадовался – парень продолжал идти рядом, заглядывая в глаза.

– Не курите? Это хорошо, – произнес он с неизменной улыбкой. – А я вот умирать иду...

Как реагировать на подобные откровения, я не знал, а потому просто слегка кивнул головой. Так, словно мне говорят нечто подобное каждое утро. Слава богу, мы дошли до автобусной остановки, на которой я и остался, а загадочный парень продолжал идти вперед, повторяя все громче и громче:

– У людей все хорошо! Люди не курят – это же замечательно! Это хорошо. Это просто заебись! – последнюю реплику он выкрикнул с истерической интонацией, сорвавшись на визг. И что было силы разбил бутылку об асфальт. Мне все это показалось плохим знаком.

Собеседование явилось продолжением неприятных знакомств. Полтора часа эти зануды, парень-менеджер и девушка из отдела кадров, гоняли меня по всей экономической теории, словно студента на экзамене. Мне пришлось немало попотеть, вспоминая всякие премудрости из университетского курса. А они придирались к каждой формулировке, к каждой запятой. Такого я никак не ожидал, но терпел, успокаивая себя тем, что допрос с пристрастием наверняка сулит солидную зарплату в финале. Как же это было наивно... И когда прозвучал вопрос о зарплате, я совершенно спокойно заявил, что не откажусь от полутора тысяч евро на старт.

Сумма не произвела особого впечатления на интервьюеров. Выдержав небольшую паузу, менеджер, не смутившись, произнес:

– Честно говоря, мы планировали зарплату поменьше.

– Насколько поменьше?

– Ну-у... На эту позицию у нас заложена ставка триста пятьдесят евро.

– В месяц?

– В месяц.

Повисла пауза. Я не нашелся сразу, что сказать; я подбирал слова, но слова не подбирались. Менеджер с совершенно не меняющимся выражением лица спросил:

– Вас вообще устраивает такая зарплата? Имеет ли смысл продолжать собеседование?

Он еще хотел продолжать собеседование! Ах, моя природная вежливость... Надо было схватить за грудки эту сволочь и заорать: «Ты что же, мудака, сразу не мог сказать, что вы ебаные скупердяи?! Чего ради я здесь полтора часа корячился, а?!». Будь я террористом уже тогда, грохнул бы их на месте. Но нет, ничего этого не произошло, я спокойно произнес, что меня

это вряд ли заинтересует и что собеседование, в принципе, можно закончить. Мы любезно раскланялись и поблагодарили друг друга за потраченное время. Зато когда я вышел от них, то дал волю переполнявшим меня чувствам. Я специально пошел пешком, чтобы как следует выматериться в полный голос. Теперь уже от меня, как от психа, с ужасом шарахались прохожие. Затем я позвонил Ромэо:

– Найди мне, пожалуйста, такой тир, где есть автомат, пулемет, а еще лучше гаубица!

Ромэо засмеялся:

– Ну что, ты все понял насчет работы в Латвии? Я ведь тебя давно предупреждал. У нас в тире есть только помповые ружья. Пойдешь?

– Давай.

– Хорошо. Встречаемся в «Бомбардире».

Влетев в «Бомбардир», я потребовал водки. Возле барной стойки сидел парень хипстерского вида и беседовал с Денисом. Незнакомец замолчал и стал бесцеремонно меня разглядывать. Получив наконец желаемое, я отошел и уселся за столик. Хипстер подсел ко мне, продолжая смотреть.

«Все договорились меня сегодня бесить, да?»

– В чем дело?! Мы с вами знакомы? – с вызовом спросил я.

– Разумеется...

Я посмотрел на него чуть внимательнее:

– Разве мы встречались?

– Да. Но не в этой жизни, – ответил он мне с мистическим подтекстом.

«Этот точно сектант. День сегодня такой, видимо». Я тяжело вздохнул и залпом выпил водку. Сектант не пытался продолжать разговор, разглядывая лямки на своем рюкзаке. Я немного успокоился.

Минут через пять в «Бомбардир» вошел Ромэо и поздоровался со всеми присутствующими. Парень-хипстер, как оказалось, хорошо ему знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.